

ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ИНФОРМАЦИИ

Н.В. Кладова

В статье предпринят анализ основной составляющей системы исторического познания – исторического источника. В соответствии с современными тенденциями в отечественном источниковедении, сущностью которых является развитие методов междисциплинарного изучения исторических источников, автор предлагает анализировать исторический источник с информационных позиций и приходит к выводу о том, что проблема получения социальной информации из исторического источника не может рассматриваться только как проблема исторической науки, так как содержащаяся в них информация многослойна.

В стереотипных представлениях XX века такие понятия, как архивный документ, исторический источник оказались отодвинутыми на периферию общества. Гуманитарные науки не противодействовали тому, что исторические источники перестали восприниматься как значимые и самодостаточные социальные ценности. Историография определила статус исторического источника как средства исторического познания, что превращало исторический источник в предмет, представляющий интерес исключительно для историков-профессионалов. Что касается государства, то оно давно оценило роль документа, исторического источника как инструмента управления. (6. С.9-12)

В условиях изменения политического климата, в нашей стране постепенно изменяются и сложившиеся стереотипные представления о социальных функциях исторического источника в жизни общества. Становится совершенно очевидным, что источники – реальность настоящего и именно в настоящем формируются новые их взаимодействия с общественным сознанием. На наших глазах актуализируются политические, правовые, культурные проблемы общества, требующие для своего решения всей полноты информации, накопленной опытом истории.

Научный подход предполагает преимущественное внимание к тем фрагментам реальности, которые возникли по ходу развития событий. Непосредственное наблюдение событий крайне ограничено во времени и в пространстве, а источники существуют всегда и везде, когда речь идет о культуре. Вопрос лишь в интерпретации смысловых значений, стоящих за эмпирической данностью реально существующего исторического источника.

Современная эпистемологическая ситуация парадоксальна. С одной стороны, об-

щественному сознанию хочется определенности, оно жаждет «подлинной» истории. С другой стороны, научное сообщество развивается в условиях методологического плюрализма и не приемлет концептуальной однозначности. В связи с этим, проблема достоверности той или иной интерпретации в конечном итоге сводится к проблеме достоверности информации, содержащейся в историческом источнике.

Источник несет в себе определенную информацию, которая требует критики, осмысления и интерпретации. Осуществление этих процедур без знания общих законов функционирования информации неизбежно ведет к созданию неадекватной картины прошедших событий.

Существует несколько концепций информации, которые едины в том, что рассматривают информацию как определенный аспект отражения и принципиально расходятся лишь в представлениях о том, какую сторону отражения выражает информация.

В отечественной философской среде в последнее десятилетие доминирует понимание информации с позиции взаимосвязи отражения и разнообразия: как отраженного разнообразия. Понятие «информация» проникло в методологические основы многих наук, в том числе и истории. Размышления по этой проблеме мы находим в классических трудах И.Д. Ковальченко, в работах отечественных и зарубежных специалистов по компьютеризации исторических исследований: Л.И. Бородкина, В.В. Подгаецкого, М. Таллера, В. Левермана и др.

Историки, как правило, подходят к содержанию понятия «информация» с позиции понимания объекта исторической науки. (См., например: 10. С.115-116) Логика такого подхода заключается в том, что познание – это

форма отражения сознанием субъекта познаваемого объекта, где информация является аспектом этого отражения.

В.А. Перевертень отмечает: «Изучение происходящих в историческом исследовании информационных процессов показало, что при его проведении используется не только историческая информация в смысле аспекта отражения познаваемого объекта. Собственно исторической является информация, содержащаяся в источниках, и та, которая представляет собой результат исторического исследования. Остальная информация – это информация, иницирующая и обеспечивающая решение поставленной историко-исследовательской задачи». (10. С.115)

С целью выделения информации, связанной с процессом исторического познания, в современной теории информации используется понятие «историко-исследовательская информация» как разновидность социальной. Под историко-исследовательской информацией подразумевается вся информация, используемая или появляющаяся в процессе исторического исследования от его начала и до завершения.

Социальная информация в контексте историко-исследовательской информации может быть подразделена на семь классов:

- внешняя потенциальная внеисточниковая информация;
- внешняя потенциальная источниковая информация;
- внешняя актуализированная внеисточниковая информация, которая является для исследовательского процесса оригинальной, исходной;
- внешняя актуализированная источниковая информация, также являющаяся для исследовательского процесса оригинальной, исходной;
- внутренняя внеисточниковая информация, которая считается вторичной исходной и является производной;
- внутренняя источниковая информация, которая тоже считается вторичной исходной и является производной;
- когнитивная информация, которая является внутренней и производной. (См. подробнее: 10)

Для историков представляют особый интерес последние пять классов, на которые делится собственно историко-исследовательская информация. При этом основной вклад в специфику историко-исследовательской информации вносит информация четвертого

класса, с которой связана оригинальная источниковая информация.

Вопрос специфики информации, принадлежащей к четвертому классу, лежит в плоскости субъект-объектных отношений. Историк не имеет прямого доступа к познаваемому объекту. Интересующие аспекты изучаемых им исторических явлений он может видеть только через информацию о них, которая зафиксирована в исторических источниках. Субъект-исследователь получает информацию об интересующем его объекте через сведения, зафиксированные другим субъектом – современником существования объекта. Следствием такого способа доступа субъекта к объекту являются «барьеры» различного характера и различного уровня, возникающие между исследователем и имеющейся в его распоряжении информацией о рассматриваемом объекте. Синтаксические препятствия заключаются в трудности восприятия исследователем языковых знаковых систем, с помощью которых выражена большая часть существующей источниковой информации. Это является следствием того, что языки изменяются с течением времени. Поэтому чем старше источник, тем больше необходимо приложить усилий для его понимания даже на синтаксическом уровне.

Гораздо сложнее семантические проблемы извлечения информации из исторического источника. К ним относится изменение со временем содержания употребляемых понятий, отсутствие соответствующего контекста, необходимого для правильного понимания смысла исторических сведений, различия в контекстах формирования информации и восприятия.

Однако наибольшие затруднения связаны с прагматическим аспектом зафиксированной в источниках информации. По определению И.Д. Ковальченко, причина трудностей – в несоответствии информации, необходимой историку, информации, непосредственно отраженной в источниках. Целевое происхождение источниковой информации проявляется прежде всего в субъективизированном и фрагментарном по отношению к конкретному исследованию отражении исторической действительности. Если же информация извлекается из массовых источников, то она отличается еще и многозначностью свидетельств об одном и том же объекте, когда информация фиксируется разными субъектами или одним и тем же субъектом, но в разное время.

Расхождение информационных потребностей исторического исследования с возможностями источников делает проблематичным получение достаточно адекватной картины изучаемой исторической реальности только на основании прямых источниковых сообщений. К тому же отсутствие объекта познания на момент исследования позволяет специфически трактовать такие показатели адекватности, как достоверность, полнота, точность и глубина.

Таким образом, очевидно, что без дополнительной внешней информации и соответствующих методов степень адекватности построения картины прошлого определяется только возможностями имеющихся в распоряжении исследователя прямо выраженных свидетельств источников.

Значительную часть корпуса исторических источников составляют архивные документы, то есть документы, сохраняемые или подлежащие хранению в архивах. Вместе с тем хорошо известно, что далеко не все документы, создаваемые людьми, откладываются в архивах, равно как и то, что лишь небольшая часть находящихся в настоящее время на архивном хранении документов введена в научный оборот исследователями. Таким образом, понятия «архивный документ» и «исторический источник» – близкие, но не тождественные.

Одна из фундаментальных теоретических проблем исторической науки – проблема трансформации документа в исторический источник. (См. подробнее: 2.) Предметом дискуссии является определение того момента, когда документ становится историческим источником.

Большинство исследователей склонно рассматривать архивный документ как исторический источник, независимо от того, востребован он историком или нет, так как ретроспективная информация существует объективно. (2. С. 4-14) В.П. Козлов придерживается иной точки зрения, суть которой сводится к тому, что в его представлении «архивный документ становится историческим источником только тогда, когда он становится публичным, т.е. известным и равнодоступным». (4. С. 5-7)

О.М. Медушевская сформулировала предположение, что любой документ может стать источником информации о прошлом, учитывая неопределенность в разделении времени на «прошлое» и «настоящее». (7. С. 20)

В.Н. Автократов делит документы на «динамические» и «статические» по состоя-

нию выполнения целевого назначения. Это создает две концепции документа: быть источником оперативной и быть источником ретроспективной информации. (1. С.97)

Нам представляется, что наиболее удачно сформулировал синергию «документ-источник» С.Г. Кулешов, акцентировав внимание исследователей на том, что в документ заложены оба свойства – быть источником и оперативной и ретроспективной информации. В начальной стадии функционирования документа превалирует реализация первого свойства, а по мере старения документальной информации все более возрастает потенциал второго. Завершение активного жизненного цикла документа характеризуется переводом его в состояние «предисточника». (1. С.97)

С.Г. Кулешов понятие «источник» этимологически определяет через процесс «взятия», потребления информации, которое не мыслимо без читателя документа. Говоря об объективном существовании информации в документе, он имеет в виду процесс ее хранения, то есть реализацию первой составляющей основной социальной функции документа. Использование архивного документа как исторического источника – это реализация второй составляющей, то есть процесса передачи информации.

Официально статус исторического источника архивный документ получает, когда информация о нем включается в каналы научной коммуникации. Однако при изложении результатов исторического исследования ученый не просто раскрывает содержание документальной информации, давая ссылку с указанием поисковых данных, но интерпретирует документ в соответствии со своей научной концепцией. Естественно, достоверность информации, содержащейся в историческом источнике, должна быть исследователем обоснована.

Особо актуальной становится эта проблема при работе с источниками новейшего периода отечественной истории. Подчеркивая недостоверность источников этого периода, К.А. Заболотская пишет: «Обратимся к стенограмме февральско-мартовского 1937 г. Пленума ЦК ВКП/б/, посмотрим, кто фигурирует там в качестве «шпионов и «вредителей» и вопросы о возможности использования этого документа в качестве эталона достоверности отпадут сами собой... Другие документы советской эпохи – статистика, периодическая печать, мемуары, судебные документы – также не свободны от искажений». (3. С.89)

Н.Н. Покровский, размышляя над историко-ведческими проблемами истории России XX века, вспоминает, с каким восторгом и какими большими надеждами было встречено рассекречивание отдельных групп документов в годы «хрущевской оттепели», и как быстро это сменилось разочарованием. «Оказалось, что секретные материалы тоже не содержат «абсолютной истины», и требуют профессиональной научной критики». (8. С.94.)

Ныне положение с источниками по советской истории изменилось кардинально. Историки впервые получили возможность исследовать документы правящих органов страны, основных политических, идеологических и карательных ведомств. Без учета содержания этих архивных фондов, серьезного историко-ведческого анализа, проверки и по возможности полной публикации документов бессмысленно конструировать концепции истории советской России.

Разумеется, Н.Н. Покровский абсолютно прав, утверждая, что «назрела настойчивая необходимость углубленного научного анализа советских документов: определение их авторства, даты, подлинности, полноты канонического текста, динамики формуляра, типологии и т.д.». Прав он и в том, что методика научного анализа источников в принципе является единой для документов всех периодов: «методы и приемы, используемые для изучения источников предыдущих веков, в значительной части распространяются и на документы советского периода». (8.С.96) При этом он все же признает: «Что касается сферы действия методов, специфических для этого времени, то ее должны определить конкретные историко-ведческие исследования».

Источники новейшего времени – это особый корпус исторических источников. В историко-ведческих исследованиях выделяют следующие специфические свойства источников новейшего времени:

- огромный количественный рост исторических источников;
- упрощение содержания отдельно взятого исторического источника;
- рост числа разновидностей исторических источников;
- нацеленность на публикацию и тиражирование уже в момент создания.

В качестве системообразующего фактора изменения корпуса исторических источников в новейшее время М.Ф. Румянцева, на наш взгляд, совершенно верно выдвигает эмансипацию человеческой деятельности. (9.. С. 262)

Действительно, количество исторических источников новейшего времени создает совершенно новую познавательную ситуацию, когда исследователь просто не в состоянии изучить все источники, относящиеся к теме. Поэтому он отбирает источники в соответствии со своей исследовательской гипотезой. При таком подходе историк всегда получает ответ только на тот вопрос, который ставит, и не может переформулировать его в процессе исследования. В противном случае он просто «утонет» в материале.

Количественный рост источников новейшего времени ставит проблему их выборочного исследования. Выборочный метод корректно работает только на математико-статистической основе. В связи с этим следует различать подбор примеров, иллюстрирующих то или иное положение, и построение выборки, которая позволяет распространять полученные результаты на все последующие явления. (9. С. 267)

При анализе процесса эволюции видов источников необходимо ориентироваться на наиболее значимые, наиболее заметные памятники той или иной эпохи. В связи с количественным ростом источников в новейшее время необходимо выстроить модель вида источника и проследить его эволюцию, привлекая отдельные памятники в качестве иллюстрации.

Упрощение содержания источников новейшего времени ведет к увеличению скрытой информации. М.Ф. Румянцева называет такую информацию структурной, «потому что она может быть выявлена при анализе структуры корпуса источников, взаимодействия между их элементами». При таком подходе применения количественных, математико-статистических методов вполне достаточно для извлечения скрытой информации.

Но если под скрытой информацией понимать бессознательные проекции, сохранившиеся в тексте источника, то такого рода информацию можно извлечь только с помощью психоаналитических процедур. (См., например: 5)

Одна из особенностей документов новейшего времени – коллективное авторство. Нам представляется, что для историка, реконструирующего событийный континуум советской истории, важен как факт коллегиальной ответственности органа, принявшего документ, так и его индивидуальное авторство, которое при тщательной историко-ведческой работе все-таки установить возможно.

Но для исследователя, реконструирующего процессы (в том числе - психологические), характерные для анализируемого исторического времени, при помощи информации, извлеченной из исторического источника, установление личного авторства документа не является первостепенной исследовательской задачей.

Четкая формулировка исследовательской задачи, абсолютно необходимая при работе особенно с массовыми источниками новейшего времени, вносит существенные коррективы и в проведение других традиционных источниковедческих процедур, а именно: датировка документа, соотношение подлинника и копии, установление канонического текста документа, решение проблемы тенденциозности и достоверности текста.

Так, психоаналитическая интерпретация исторического источника требует особого внимания ко всем пометкам, имеющимся в тексте, ошибкам, опискам и т.д.; соотношение подлинника и копии не столь актуально, сколь необходима идентификация рукописного и машинописного текстов.

Имеет свою специфику и проблема тенденциозности и достоверности источников новейшего времени. Каждый источник, отражая действительность, искажает ее, но каждый делает это по-своему. Историк стремится выявить тенденцию этих искажений. По общему источниковедческому правилу наиболее достоверны содержащиеся в документе сведения, противоречащие основному направлению его тенденциозности, а наименее достоверны – совпадающие с ним. (8. С.104)

Но ситуация, в которую попадает исследователь, работающий с документами карательных органов, не столь однозначна. Политическая юстиция стремилась доказать свою необходимость, фальсифицируя всевозможные «контрреволюционные настроения», иногда в соответствии с указаниями партии и правительства на этот счет, чаще всего – независимо от них. Поэтому введение в научный оборот документов ВЧК-ОГПУ-НКВД вызывает дискуссии: стоит ли публиковать заведомо фальсифицированные материалы, часто созданные с целью опорочить достойных людей?

Критически разбирать по всем источниковедческим канонам каждый эпизод архивно-следственных дел практически невозможно. Но и игнорировать этот блок документов нельзя, так как это памятники советской эпохи. Исследователи, использующие материалы следственных дел репрессированных для

построения интерпретационных конструкций новейшей истории России, применяют, как правило, традиционный источниковедческий принцип проверки достоверности сведений следственных дел путем привлечения других документов. Так, Н.Н. Покровский в процессе работы с обвинительными материалами по делу митрополита Вениамина и по делу патриарха Тихона использует такой прием, как параллельная публикация материалов защиты и использование (при рассмотрении в 1980-1990-х годах дел о реабилитации жертв политических репрессий) официальных юридических заключений о несостоятельности обвинений.

Однако это не меняет общего отношения к следственным делам репрессированных как документам весьма сомнительного свойства. Между тем, многолетняя работа с материалами следственных дел репрессированных убедила нас в том, что они представляют собой уникальный исторический источник, информативные возможности которого до сих пор по-настоящему не востребованы исследователями именно по причине непонимания его информационной многослойности.

Исторический источник, как любой текст, имеет множество смысловых уровней, каждый из которых актуализируется при определенных обстоятельствах. Следовательно, анализ исторического источника как текста, возникшего в определенной ситуации и созданного конкретными людьми с определенными (не всегда осознаваемыми) намерениями, требует особых методов, которые выходят за рамки привычных герменевтических процедур.

Таким образом, проблема получения социальной информации из исторического источника не может рассматриваться только как проблема исторической науки. Развитие идей и методов междисциплинарного изучения исторических источников составляет основу системного, целостного развития истории как гуманитарной науки. Изучение исторических источников не является заповедным полем деятельности исключительно историков. Речь должна идти не просто о так называемых междисциплинарных связях, но о том, что специалисты самого разного профиля имеют законное право на свою интерпретацию исторических источников, ибо содержащаяся в них информация многослойна. Специфика профессионального подхода историка к историческому источнику заключается в том, что историк обязан знать и учитывать культурно-исторический контекст, в котором был создан

и функционировал текст исторического источника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивоведение и источниковедение отечественной истории. М., 1999
2. Архивоведение и источниковедение. Проблемы взаимодействия на современном этапе. Доклады и тезисы выступлений на третьей Всероссийской конференции 25-26 февраля 1999 г. М., 1999.
3. Заболотская К.А. Перспективы развития источниковедения новейшего периода отечественной истории и задачи построения учебного курса // Вопросы истории. 1994. №2. С. 89-94.
4. Козлов В.П. О некоторых современных теоретико-методологических проблемах архивоведения и источниковедения. // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 5-7.
5. Кладова Н.В. Следственные дела репрессированных: виртуозная работа психического бессознательного // Исторические персоналии: мотивы

и мотивация поступков. Материалы Всероссийской научной конференции 16-17 декабря 2002 г. Санкт-Петербург. СПб., 2002.

6. Медушевская О.М. Архивный документ, исторический источник в реальности настоящего. // Отечественные архивы. 1996. № 2. с. 9-12.
7. Медушевская О.М. Источниковедение: теория, история, метод. М., 1996.
8. Покровский Н.Н. Источниковедческие проблемы истории России XX в. // Общественные науки и современность. 1997. №3. С. 94-105.
9. Румянцева М.Ф. Общие свойства исторических источников новейшего времени // Проблемы источниковедения и историографии. М-лы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2000. С.260-267.
10. Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 4-6 февраля 1999 г. М., 1999